

Борис МИРСКИЙ

О пробеле разумений и падающем колоссе

...В 1816 году в Петрограде находился французский поверенный в делах граф де ла Муссэ¹. Не в пример многим своим соотечественникам и профессиональным товарищам, этот дипломат отличался удивительно зорким и наблюдательным импрессионизмом, в то время как его предшественники и современники посылали пространные депеши о придворных интригах, о пышных балах, об интимной мерзости дворцовых альковов, интерпретированной в виде «высшей политики», граф де ла Муссэ попытался в своих донесениях начертать философию истории России.

И характерно — выводы графа де ла Муссэ вполне совпали с выводами Чаадаева; и если хорошенько сравнить элегантные депеши французского дипломата с отчаянным воплем автора «Философических писем», о которых Герцен писал, что «это был выстрел, раздавшийся в темную ночь», — то даже в самом подходе, в архитектонике отчаяния, в самой схеме презрительного пессимизма заложена некая общность.

Граф де ла Муссэ в депешах к французскому премьер-министру, дюку Ришелье, описывает внутреннее состояние России. Картина, как и следовало ожидать, безотрадная: расстроенные финансы, бездарные администраторы, титаническое невежество и глубочайший мрак. Французский дипломат так резюмирует факты:

«Что стало бы с Россией без ее штыков? Наука, искусство — все, что делает мир славным, — здесь неизвестны. Будучи данницей всей Европы вследствие своих потребностей и фантазий, Россия даже не в состоянии одевать и вооружать своих солдат, благодаря которым она существует. Будучи падки на наслаждения роскошью, русские не умеют ни создавать их для себя умом и постоянною работою, ни положить границы своим при-

хотям... Влияние России в Европе есть результат случайных обстоятельств и полной безоружности западных народов... Стечение обстоятельств и ошибок, подобного которому трудно найти в истории, дало России такое преобладание и блеск, которых она сама собственными силами не достигла бы. Беззаботная политика истекшего века превратила скифский шлем московский царей в императорскую корону... Безрассудная поспешность вождя французских армий в 1812 году наметила границу берега Одера, между тем как ему легко было отодвинуть ее за Борисфен» (Днепр).

Граф де ла Муссэ переходит к самому существенному вопросу: «Может ли долго существовать Россия, и не заложена ли в ее нынешнем существовании необходимость скорого исчезновения?» Если Россия не пойдет по пути реформ — полагает де ла Муссэ, — если Россия быстро не превратится в правовое государство, то, «вероятно, она долго не выдержит ни своего благополучия, ни своих несчастий!»

По мнению французского дипломата, Россия погибнет из-за разноплеменности своего состава.

«Кто может представить себе существование государства, опирающегося, с одной стороны, на Торнео, а с другой — на Константинополь? Разве одни и те же законы могут управлять Пелопонессом и Финляндиею? По призыву императора Александра разве грек и лапландец сделаются единым народом?»

Заканчивает граф свое донесение трагическим пророчеством, уже вполне напоминающим чаадаевский «выстрел, раздавшийся в темную ночь»:

«...Если посмотреть на Россию вблизи, то она далеко не представляет собой образа одного из тех народов, которые последовательным развитием своих мудрых учреждений, своих добродетелей и своих наиболее благородных способностей основывали свою славу и могущество на прочных устоях. *Это — колосс, который, быть может, будет существовать только один день, но падение которого может задавить часть Европы, близорукость которой подняла его на нынешнюю высоту.*»

Колосс разваливается; из головы его выбежала стая крыс, завладела вдребезги распатанным полугосударственным механизмом, и падающий колосс раздавливает бóльшую часть Европы, обрекая и Францию, и Англию, и Италию, и Сербию на германскую зависимость. Граф де ла Муссэ может считаться пророком. И право, если его потомки — добрые католики, то почему бы им не войти с соответствующим ходатайством перед Святейшим престолом?

Граф де ла Муссэ подошел к России совсем иначе, чем подошел к ней Чаадаев. Муссэ — западник по происхождению, западник по профессии, дипломат и, следовательно, человек, оперировавший только силлогизмами, спокойный аналитик. Чаадаев — жертвенный западник и представитель совершенно непонятого для немца или француза трагического антипатриотизма. Только в России, притом в старой России, могли вырастать такие странные, душистые и отравленные цветы отчужденности, смешанного с ненавистью. Чаадаев предсказывал почти то же самое, о чем вещал французский дипломат:

«Мы принадлежим к нациям, которые, кажется, еще не составляют необходимой части человечества, а существуют для того, чтобы по временам преподать какой-нибудь великий урок миру».

По мнению Чаадаева, у нас нет «физиологии европейца», нет «идеи долга, закона, правды, порядка». «Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобщили ни одной идеи к массе идей человечества... Мы жили, как живем, как великий урок для отдаленных потомств, которые воспользуются им непременно, — но в настоящем времени, что бы ни говорили, мы составляем пробел в порядке разумения».

Россия как «пробел разумения», Россия как «великий урок для отдаленных потомств» — ведь это совсем приближается к «колоссу, падение которого может задавить часть Европы!» Исходные точки — разные, темперамент, переживание — совсем другие; то, над чем мог рыдать Чаадаев, для французского дипломата не больше как политический материал. Но при разных подходах, при разных углах зрения обе мысли, снабженные пророческим апломбом и убежденностью Кассандры, обе эти траурные мысли скрестились, встретились, пересеклись в одной точке — точке приговора над Россией.

* * *

Марксистский дурачок, фармацевт, катающий философские пилюли, постановил: «Бытие определяет сознание». Философия настоящая, а не приготовленная на дурно пахнущей похлебке желудочного материализма, конечно, только досадливо отмахнется от подобной ереси. И даже не отмахнется. Ведь Канту не подобает сражаться с Луначарским, как не подобало бы Гладстону дискутировать с поручиком Шнеуром. Бытие, конечно, не определяет сознания, — но эпоха может иногда определить веру.

Наша эпоха — я говорю о России — также может создать свою веру. Среди нас есть еще немногие, сильные и верующие, иногда способные заткнуть за пояс самого блаженного Тертуллиана, провозгласившего: «Верую, потому что это абсурдно», свято верующие в спасение и возрождение России. Но нужно обладать удивительным запасом веры, таким Монбланом оптимизма, чтобы в дни Шнеура и Крыленки верить в будущее России...

Отчаяние крепко рассаживается в душах всех тех русских людей, для которых фабричная прибавка и бутылка старого Мартеля из погребов Зимнего дворца не являются высшей самоцелью. И для этих отчаявшихся, для этих искренних плакальчиков над гробом большой и как будто бы что-то обещавшей страны, для этих рыцарски честных могильщиков — слова де ла Муссэ делаются пророчеством, а карканье Чаадаева — верой.

